

А.Л. Шарандин
СРЕДИ НЕХОЖЕНЫХ ПУТЕЙ...

(А.А. Кретов, Л.Н. Матыцина. Морфемно-морфонологический словарь языка
А.С. Пушкина. Воронеж: ЦЧКИ, 1999. — 208 с.)

© 2001 г. А.Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет

Постоянное обращение исследователей к практической лексикографии закономерно, поскольку она оказывается той областью, где проверяются лингвистические теории в плане их практической реализации, тем “основным каналом, через посредство которого лингвистика обнаруживает и обнаруживает результаты своей деятельности” [1]. Именно лексикография позволяет увидеть внутреннюю и внешнюю необходимость разрабатываемой лингвистической концепции для развития науки и общества. Поэтому лексикографы - это тип ученых, которые отмечены особым даром – способностью не только осмысливать языковые процессы, но и создавать языковую продукцию, учитывающую специфику представления языкового материала в словаре. Правда, как и всякая продукция, она бывает разного качества, что зависит от ряда причин, но прежде всего от того пути, который избирает составитель словаря. Дело в том, что на нынешнем этапе развития лингвистики мнение о лексикографии как сугубо прикладной области языкознания исчерпало себя. Для всех очевидно, что понятие лексикографии включает в себя теорию лексикографии, которая претендует на свое понятийное пространство в сфере описания языка как важнейшего средства накопления, сохранения и передачи информации, отражающей различные структуры наших знаний о мире и языке. В результате появляется заманчивое желание исследователей изолироваться в своем пространстве. Но насколько это оправдано? Никто не будет утверждать, что разработка понятийного аппарата лексикографии не нужна. Но она не может быть самоцелью, ибо в конечном счете лексикография обслужива-

ет лингвистические теории других разделов языкознания, делая их достоянием потребителя.

Правда, без круга этих ученых (своего рода лексикографов в узком смысле слова, лексикографов-теоретиков) невозможно полноценное представление языкового материала в лексикографическом труде, поскольку, как показывает опыт создания словарей, “автоматический” перенос тех или иных языковых описаний (лексикологических, грамматических и др.) оказывается неэффективным и затруднительным. Поэтому нужны лексикографические концепции, которые учитывали бы специфику представления языкового материала в рамках той или иной лингвистической теории и целенаправленно адаптировали его к возможностям потребителя, к его потребностям. На наш взгляд, лексикография – это своего рода высший этап развития лингвистической науки, который позволяет не противопоставлять лексикографическую теорию и собственно языковые теории, а определять их взаимосвязь и взаимодействие, что в конечном итоге дает возможность оценить лексикографические труды. А они должны оцениваться, поскольку одни из них несут информацию концептуальную, связаны с лексикографированием нового материала, а другие – представляют собой своего рода “косметический ремонт” старого, выполняя своего рода корректирующую функцию. То и другое необходимо, но наше преклонение прежде всего перед лексикографами-новаторами.

Несомненно, “Морфемно-морфонологический словарь языка А.С.Пушкина” (авторы Кретов А.А. и Матыцина Л.Н.) в системе аспектных слова-

рей оказывается новаторским как в силу отсутствия словарей, в которых был бы представлен морфонологический материал, так и по характеру его представления в связи с морфемным членением слова. Впервые союз морфемики и морфонологии оказывается реализованным и представленным в конкретном лексикографическом труде, где морфемное членение слова соотносится с его морфонемным составом, позволяющим увидеть материальное тождество морфем на глубинном (этимологическом) уровне представления слова и сохранить, объяснить это материальное тождество на поверхностном (современном) уровне, представленном морфемным членением слова.

По мнению А.А. Кретьова, автора предисловия, цель данного словаря – предложить новое видение известных фактов, опираясь на мысли и наблюдения, представленные в научном наследии русской морфонологии, изучение которой продолжается уже второй век.

Во всякой новаторской работе, тем более претендующей на новое видение известных фактов, важны исходные положения, которые, как известно, представляют собой концептуальный аппарат той или иной области языкознания. Поэтому для нас и важна информация, которая содержится в предисловии к словарю, позволяющая оценить ту теоретическую базу, на которой основывается лексикографическая концепция. В этом случае мы имеем возможность, приняв эти исходные положения, объективно оценить лексикографический труд, используя критерии непротиворечивости, объяснительной силы и экономности подачи языкового материала. При этом важно, чтобы исходные положения были согласованы между собой в рамках одной теории, то есть они должны подаваться не как совокупность разрозненных теоретических рассуждений, а как система понятий, отражающая целостность исследуемой проблемы. Именно такого рода система понятий морфонологической теории представлена А.А. Кретьовым в предисловии к словарю.

Так, первым положением в данной системе является положение о том, что

“морфема состоит из морфонем”. Это не исключает более традиционного понимания морфемы как единицы, состоящей из фонем, только оно относится не к собственно понятию морфемы, а к ее речевой реализации в тексте – морфу, о чем свидетельствует ссылка № 4 на высказывание Н.Е. Ильиной: “Если морфы составлены фонемами, то морфемы составлены морфонемами” (с. 8). Однако, на наш взгляд, первичными в системе положений должны были стать определения понятий морфемы и морфонемы, которые, как известно, неоднозначно представлены в лингвистической литературе [3, 159-160]. В этом случае более однозначными и закономерными явились бы приводимые утверждения типа: “На суффиксальном стыке фонемы перестают выполнять смысловозначительную функцию, а следовательно, функционировать как фонемы (так, чередования *к/ч, г/ж* не нарушают тождества морфем *РУК* и *НОГ* в *рука-ручка, нога-ножка*). Смысловозначительную функцию, способную обеспечить как различение неродственных морфем, так и отождествление вариантов одной морфемы, на суффиксальном стыке выполняют морфонемы” (с. 3). Для объяснения этого факта требуется положение о понимании того, как соотносятся между собой понятия “фонема” и “морфонема”. Если исходить из соотношения морфемы и морфа, как: всякая морфема представлена в речи морфом, но не всякий морф представляет собой самостоятельную морфему, то в этом смысле всякая морфонема реализуется как фонема, но не всякая фонема представляет собой морфонему. Другими словами, на уровне морфонологии сами фонемы могут выступать как алломорфонемы и, естественно, в этом случае они не выполняют смысловозначительной функции.

Определенную четкость внесло бы, на наш взгляд, терминологическое разграничение фактов, когда чередования выполняют грамматическую (морфологическую) функцию и когда они свидетельствуют о сочетаемости морфем. В первом случае мы имеем дело с особым типом морфем – фономорфемами, а во втором – с собственно морфонемами. То, что суффик-

сальная морфонологическая позиция оказывается наиболее сильной для описания морфонологического процесса, думается, совершенно справедливо, хотя признать мнение о ней как “наименее исследованной морфонологической позиции в русском слове” (с. 3) было бы не совсем корректно, поскольку суффиксальный стык (“суффикс + суффикс / корень”) всегда в той или иной степени рассматривался в исследованиях по морфонологии.

Другое дело, что ему не придавался тот “вес” и та значимость в сравнении с другими морфонологическими позициями, которую мы находим в концепции А.А. Кретьова. Он пишет: “Суффиксальный стык противопоставлен, с одной стороны, префиксальному, как внутреннее пространство слова его внешней границе, а с другой стороны – флективному как сфере действия словообразования сфере действия морфологии. Таким образом, суффиксальный стык (и действующие на нем фонетические законы) являются тем «цементом», который объединяет морфемы в основу, обеспечивает ее целостность и маркирует ее границы” (с. 7).

Говоря о концептуальном характере предисловия к словарю, особо следует выделить положения о характере фонетических процессов, происходящих на суффиксальном стыке. Эти положения заслуживают того, чтобы их воспроизвести полностью, так как именно они определяют представление морфемно-морфонологического материала в словаре.

3. “На суффиксальном стыке наблюдаются не результаты исторических процессов, как принято считать, а продолжается никогда не прекращавшееся в этой позиции действие фонетических процессов V-X вв. н.э. от первой палатализации до падения редуцированных. На суффиксальном стыке морфемы ведут себя так, словно падения редуцированных не произошло. Иначе – на суффиксальном стыке продолжают существовать редуцированные морфемы аналогичные историческим фонемам [Ъ] и [Ь], на поверхностном уровне проявляющие себя как беглые гласные переднего и заднего ряда” (с. 4). Например, *борец* –

БОР=ЪК_Ъ; *венок* – ВѐН=ЪК_Ъ. Такого рода решение связано с последующими положениями относительно специфики суффиксального стыка. Во-первых, “суффиксальный стык является своеобразным “фонетическим заповедником”, в котором фонетическое время остановилось перед падением редуцированных. Во всех остальных позициях фонетическое время пошло дальше, а на суффиксальном стыке оно остановилось. Суффиксальный стык в современном русском языке живет по фонетическим законам V-X вв.н.э. Все, что произошло на суффиксальном стыке после падения редуцированных, относится уже не к морфонологии, а к фонетике (пусть даже и исторической) русского языка” (с. 4). Во-вторых, “на суффиксальном стыке законсервирована фонетическая система праславянского языка в том виде, какой она имела перед началом действия законов возрастающей звучности слога и слогового сингармонизма. Это касается как номенклатуры единиц, так и самих фонетических процессов, продолжающих действовать в синхронии с соблюдением относительной хронологии, которая операционально может интерпретироваться как последовательность правил трансформации морфонологической транскрипции в фонологическую, а последней – в орфографическую запись” (с. 4.).

Обращает на себя внимание объяснение взаимоотношений между морфонологией и фонологией на суффиксальном стыке: “поскольку на суффиксальном стыке морфонология и фонология (фонетика) живут в разном времени, они не конфликтуют – они просто не подозревают” о существовании друг друга” (с. 4). Это обусловлено во многом тем, что “морфонологические позиции автономны” (с. 4). Таким образом, если продолжить рассуждение А.А. Кретьова в его стиле, можно утверждать, что морфонология и фонология оказываются равноправными членами одной общей семьи, проживающей в одной квартире (слове), но только занимающими разные ее комнаты: морфонология (в строгом, узком смысле) представлена на суффиксальном стыке, фонология же представлена в корневой позиции, а также на префиксальном и флективном стыках. При этом “возраст” можно определить следующим образом: “морфемы суффик-

сального стыка – это фонемы праславянского языка” (то есть фонемы V-X веков), а фонемы других участков слова – это современные фонемы (то есть современного языка).

Однако, на наш взгляд, автономность морфонологических позиций оказывается достаточно условной, о чем свидетельствует приводимый анализ глагола “послать”, представленный в записи ПОСЪЛ(А)=Ø=ТЬ_#, и вывод А.А. Кретьова: “если суффиксальная позиция “замечает” падение редуцированных в корне, поскольку это событие произошло за ее пределами, то корневая позиция этого “не замечает”, поскольку редуцированный находится в ее пределах” (с. 4). Как можно заметить, не настолько уж морфонологические позиции автономны, чтобы “не замечать” друг друга. При этом, “старшее поколение” в лице суффиксального стыка склонно больше “замечать”, что происходит с “молодым поколением” в лице корня (прямо-таки как в современном обществе). Хотя сама идея, что разные части слова отражают фонетические процессы различных временных периодов, представляется интересной и заслуживает теоретического обоснования, одно из которых представлено, в частности, А.А. Кретьовым. Правда, несколькостораживает его вера в хронологию фонетических процессов, связанных с I, II и III палатализациями, а точнее, в их строгую последовательность. Например, по его мнению, “в комбинации ... морфем КУП=БК=БСК есть условия как для третьей, так и для первой палатализации. Естественно, в начале происходит первая, и условия для третьей палатализации исчезают” (с.6). Но, по мнению В.Г. Руделева, третья палатализация произошла раньше первой [2].

Для авторов словаря историческая последовательность фонетических процессов позволяет, “задав исходный (исконный) вид морфемы и зная правила фонетических преобразований на суффиксальном стыке” (а это законы исторической фонетики в их относительной хронологии), вывести современный фонетический и графический облик производных слов.

В принципе, наличие других мнений относительно характера морфонологических позиций, роли и значимости тех или

иных морфем в структуре слова, соотношения морфонологии и фонологии, формообразования и словообразования и т.д. не дает основания утверждать, что авторы словаря ошибаются. Как известно, различия в описании того или иного объекта могут быть вполне законными. В данном случае мы имеем конкретную реализацию в лексикографическом аспекте тех основных положений, которые предлагаются нам для того, чтобы их принять. Но это не исключает создания на других исходных положениях другого морфемно-морфонологического словаря. Именно в этом случае появится возможность отдать предпочтение тому или иному подходу в описании языкового материала и его представления в словаре. В настоящее время аналога морфемно-морфонологическому словарю А.А. Кретьова и Л.Н. Матыциной нет. И поэтому исследователям языка, а также изучающим русский язык нужно с благодарностью принять этот неординарный труд, который позволяет “увидеть безусловную необходимость исторических дисциплин для понимания современного русского языка, и всю условность выделения их в самостоятельные курсы”, осознать, что “прошлое не исчезает – прошлое пребывает в настоящем”, осмыслить “скрытые за внешней пестротой строгость и стройность русского языка” (с. 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии. Дис. в форме науч. докл. ... докт филол. наук. – М., 1990. – 72 с.
2. Руделев В.Г. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 5. Мифы о редуцированных // Избранные произведения по историческому языкознанию. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – с. 107-111.
3. Шарандин А.Л. Проблемный курс современного русского языка. Фонетика и графика / Учеб. пос. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – 216 с.